

6. Рабочая революция

Революция, с помощью которой рабочий класс завоеует господство и свободу, не является единичным событием ограниченной продолжительности. Это процесс организации, самообразования, в котором рабочие последовательно, то постепенно поднимаясь, то шагами и скачками, развивают силы для победы над буржуазией, для разрушения капитализма, для построения своей новой системы коллективного производства. Этот процесс заполнит эпоху в истории неизвестной протяженности, на грани которой мы сейчас стоим. Хотя детали его хода невозможно предвидеть, некоторые его условия и обстоятельства могут стать предметом обсуждения сейчас.

Эту борьбу нельзя сравнивать с обычной войной между подобными антагонистическими силами. Рабочие силы похожи на армию, которая собирается во время битвы! Они должны расти в ходе самой борьбы, их невозможно определить заранее, и они могут лишь выдвигать и достигать частичных целей. Оглядываясь на историю, мы видим ряд действий, которые как попытки захвата власти кажутся столь неудачными: от чартизма, 1848 года, Парижской коммуны, до революций в России и Германии в 1917-1918 годах. Но есть линия прогресса; каждая следующая попытка показывает более высокую степень сознания и силы. Оглядываясь на историю труда, мы видим, что в непрерывной борьбе рабочего класса есть подъемы и спады, в основном связанные с изменениями в промышленном процветании. На первом подъеме промышленности каждый кризис приносил несчастья и мятежные движения; революция 1848 года на континенте стала продолжением тяжелой депрессии бизнеса в сочетании с неурожаем. Индустриальная депрессия 1867 года принесла в Англию возрождение политической активности; длительный кризис 1880-х годов с его тяжелой безработицей вызвал массовые выступления, подъем социал-демократии на континенте и «новое профсоюзное движение» в Англии. Но в годы промышленного процветания в промежутке между 1850-70 гг. и 1895-1914 гг. весь этот дух восстания исчез. Когда капитализм расцветает и лихорадочная деятельность расширяет свое царство, когда есть изобилие рабочих мест, а профсоюзная деятельность способна повысить заработную плату, трудящиеся не задумываются ни о каких изменениях в социальной системе.

Капиталистический класс, растущий в богатстве и власти, полон уверенности в себе, одерживает победу над рабочими и преуспевает в том, чтобы пропитать их своим духом национализма. Формально рабочие могут придерживаться старых революционных лозунгов; но в подсознании они довольны капитализмом, их видение сужается; поэтому, хотя их число растет, их власть падает. Пока новый кризис не сделает их неподготовленными и не пробудит их заново.

Таким образом, возникает вопрос: если ранее завоеванная боевая мощь снова и снова рухнет в довольстве нового процветания, созреет ли когда-нибудь общество и рабочий класс для революции. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более внимательно изучить развитие капитализма.

Чередование депрессии и процветания в промышленности — это не простые колебания взад-вперед. Каждое следующее колебание сопровождалось расширением. После каждого кризиса капитализм снова мог подниматься, расширяя свою сферу, свои рынки, свою массу производства и продукции. До тех пор, пока капитализм способен расширяться дальше по миру и увеличивать свои объемы, он может дать работу массе населения. До тех пор, пока он сможет удовлетворить первый спрос системы производства — заработок на жизнь своим членам, он будет в состоянии содержать себя, потому что никакая крайняя необходимость не заставляет рабочих положить ей конец. Если бы она могла продолжать процветать на самой высокой стадии своего развития, то революция была бы невозможна, равно как и ненужна; тогда оставалась бы только надежда на то, что постепенное повышение общей культуры сможет исправить ее недостатки.

Капитализм, однако, не является нормальной, во всяком случае стабильной системой производства. Европейский, а затем и американский капитализм мог так непрерывно и быстро наращивать производство, потому что был окружен широким некапиталистическим внешним миром мелкосерийного производства, источником сырья и рынками сбыта продукции. Это искусственное положение вещей, это разделение между активным капиталистическим ядром и зависимым пассивным окружением. Но ядро постоянно расширялось. Сущность капиталистической экономики — это рост, активность, экспансия; каждое бездействие означает коллапс и кризис. Причина в том, что прибыли непрерывно накапливаются в новом капитале, который ищет инвестиций для получения новой прибыли, таким образом масса капитала и масса продуктов увеличиваются все быстрее, а рынки сбыта ищутся лихорадочно. Таким образом, капитализм — это великая революционная сила, повсеместно подрывающая старые условия и меняющая облик Земли. Все новые и новые миллионы людей из своего уединенного, самодостаточного домашнего производства, которое воспроизводило себя на протяжении долгих веков без заметных изменений, втягиваются в водоворот мировой торговли. Там внедряется сам капитализм, промышленная эксплуатация, и вскоре из потребителей они становятся конкурентами. В XIX веке из Англии он продвигается над Францией, Германией, Америкой, Японией, затем в 20 веке проникает на большие азиатские территории. И сначала как конкурирующие личности, затем организованные в национальных государствах капиталисты ведут борьбу за рынки, колонии, мировую державу. Поэтому они движутся вперед, революционизируя все более широкие области.

Но Земля — это шарик, ограниченной протяженности. Открытие его конечных размеров сопровождало подъем капитализма четыре века назад, осознание его конечных размеров теперь знаменует конец капитализма. Население, которое должно быть подвергнуто этому, ограничено. Сотни миллионов людей, заполонивших плодородные равнины Китая и Индии, как только они будут втянуты в пределы капитализма, его главная работа будет выполнена. Тогда не останется больших человеческих масс в качестве объектов для подчинения. Конечно, остаются огромные дикие территории, которые должны быть превращены в царства человеческой культуры; но их эксплуатация требует сознательного сотрудничества организованного человечества; грубые насильственные методы капитализма — разрушающее плодородие «изнасилование земли» — здесь бесполезны. Тогда его дальнейшее расширение останавливается. Не как внезапное препятствие, а постепенно как растущая трудность в продаже продуктов и инвестировании капитала. Затем замедляются

темпы развития, замедляется производство, безработица подстегивает хитроумную болезнь. Тогда обостряется взаимная борьба капиталистов за мировое господство, надвигаются новые мировые войны.

Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что неограниченная экспансия капитализма, открывающая перед населением долгосрочные возможности для жизни, исключена его внутренним экономическим характером. И что придет время, когда зло депрессии, бедствия безработицы, ужасы войны станут еще сильнее. Тогда рабочий класс, если он еще не бунтовал, должен подняться и сражаться. Тогда рабочие должны сделать выбор между инертным подчинением и активной борьбой за свободу. Тогда им придется взять на себя задачу создания лучшего мира из хаоса распадающегося капитализма.

Они будут драться? Человеческая история — это бесконечная серия боев; и Клаузевиц, известный немецкий теоретик войны, из истории пришел к выводу, что человек по своей внутренней природе является воинственным существом. Но другие, как скептики, так и пламенные революционеры, видя робость, покорность, безразличие масс, часто отчаиваются в будущем. Поэтому нам придется несколько тщательнее разобраться в психологических силах и воздействиях.

Доминирующим и глубочайшим импульсом в человеке, как и в каждом живом существе, является его инстинкт самосохранения. Он заставляет его защищать свою жизнь всеми силами. Страх и покорность также являются следствием этого инстинкта, когда против могущественных хозяев они предоставляют лучшие шансы на сохранение. Среди различных диспозиций в человеке будут преобладать и развиваться те, которые наиболее приспособлены для обеспечения безопасности жизни в существующих обстоятельствах. В повседневной жизни капитализма непрактично, даже опасно, чтобы рабочий питал свои чувства независимости и гордости; чем больше он их подавляет и молчаливо подчиняется, тем меньше трудностей он встретит при поиске и сохранении работы. Нравственность, которой обучают министры правящего класса, усиливает эту предрасположенность. И лишь немногие и независимые души бросают вызов этим тенденциям и готовы столкнуться с нынешними трудностями.

Когда же во времена социального кризиса и опасности вся эта покорность, эта добродетель, бесполезна для безопасной жизни, когда только борьба может помочь, тогда она уступает место своей противоположности, бунтарству и мужеству. Тогда смельчаки с удивлением подают пример и робко открывают для себя, на какие подвиги героизма они способны. Тогда уверенность в себе и высокая энергичность пробуждаются в них и растут, потому что от их роста зависят их шансы на жизнь и счастье. И сразу, по инстинкту и по опыту, они знают, что только сотрудничество и единство могут придать силу их массам. Когда тогда они воспринимают, какие силы присутствуют в них самих и в их товарищах, когда они чувствуют счастье этого пробуждения гордого самоуважения и преданного братства, когда они предвидят будущее победы, когда они видят, что перед ними поднимается образ нового общества, которое они помогают строить, то энтузиазм и пылкость вырастают до непреодолимой силы. Тогда рабочий класс начинает созревать для революции. Тогда капитализм начинает созревать для краха.

Таким образом, возникает новое человечество. Историки часто задаются вопросом, когда они видят быстрые изменения в характере людей в революционные времена. Это кажется чудом; но это просто показывает, сколько черт скрыто в них, подавлено, потому что они были бесполезны. Сейчас они прорываются, возможно, только временно; но если их полезность продолжительна, они развиваются в доминирующие качества, преображая человека, подстраивая его под новые обстоятельства и требования.

Первое и первостепенное изменение — это рост чувства общности. Первые его следы пришли к капитализму как таковому, из общей работы и общей борьбы. Он укрепляется сознанием и опытом, что, будучи одиноким, рабочий бессилён против капитала, и что только твердая солидарность может обеспечить терпимые условия жизни. Когда борьба становится все более масштабной и ожесточенной и перерастает в борьбу за господство над трудом и обществом, от которой зависит жизнь и будущее, солидарность должна перерасти в неразрывное всепроникающее единство. Новое чувство общности, распространяющееся на весь рабочий класс, подавляет старый эгоизм капиталистического мира.

Это не совсем ново. В первобытные времена в племени с его простыми, преимущественно коммунистическими формами труда доминировало чувство общности. Человек был полностью связан с племенем; отдельно от него он был ничем; во всех своих действиях человек чувствовал себя ничем по сравнению с благом и честью общины. Неразрывно связанный с племенем первобытный человек еще не стал личностью. Когда после этого люди разошлись и стали самостоятельными мелкими производителями, чувство общности угасло и уступило место индивидуализму, что делает человека центром всех интересов и всех чувств. За многие столетия роста среднего класса, товарного производства и капитализма, личность, чувствуя себя индивидуально, просыпалась и все сильнее перерастала в новый характер. Это приобретение, которое больше нельзя потерять. Разумеется, и в это время человек был социальным существом; общество доминировало, и в критические моменты, во время революции и войны, чувство общности временно навязывало себя как нежелательный моральный долг. Но в обычной жизни оно было подавлено под гордым воображением личной независимости.

То, что сейчас развивается в рабочем классе, не является обратным изменением, как и условия жизни не являются возвратом к ушедшим формам. Это слияние индивидуализма и чувства общности в высшее единство. Это осознанное подчинение всех личностных сил на службе обществу. В управлении могучими производительными силами рабочие, как их более могущественные хозяева, будут развивать свою личность до еще более высокой степени. Сознание своей интимной связи с обществом объединяет чувствующую себя личностью со всемогущим социальным чувством в новое жизненное восприятие, основанное на осознании общества как источника всего человеческого бытия.

Чувство общности в первую очередь является главной силой в развитии революции. Этот прогресс является ростом солидарности, взаимной связи, единства трудящихся. Их организация, их новая растущая власть — это новый характер, приобретенный в борьбе, это изменение в их внутреннем существе, это новая мораль. То, что военные авторы говорят об обычной войне, а именно, что моральные силы в ней играют доминирующую роль, еще более верно в войне классов. На карту поставлены более высокие вопросы. Войны всегда были

соревнованиями подобных конкурирующих держав, и самая глубокая структура общества оставалась прежней, независимо от того, победила та или иная. Состязания классов — это борьба за новые принципы, а победа восходящего класса переносит общество на более высокую ступень развития. Отсюда, по сравнению с реальной войной, нравственные силы высшего рода: добровольное преданное сотрудничество вместо слепого повиновения, вера в идеалы вместо верности командирам, любовь к классовым товарищам, к человечеству вместо патриотизма. Их основная практика — это не вооруженное насилие, не убийство, а стойкость, выносливость, настойчивость, убежденность, организованность; их цель не в том, чтобы разбить черепа, а в том, чтобы вскрыть мозги. Безусловно, вооруженные действия также будут играть роль в борьбе классов; вооруженное насилие мастеров не может быть преодолено по-толстовски терпеливыми страданиями. Оно должно быть избито силой; но с помощью силы, оживленной глубоким моральным убеждением.

Были войны, которые показали что-то вроде этого характера. Такие войны были своего рода революциями или входили в революции, в борьбу за свободу среднего класса. Там, где восставшее мещанство боролось за господство против отечественных и чужеземных феодальных держав, монархии и институтов вотчины — как в Греции в древности, в Италии и Фландрии в средние века, в Голландии, Англии, Франции в более поздние века — идеализм и энтузиазм, проистекавшие из глубоких чувств классовой необходимости, призывали к великим подвигам героизма и самопожертвования. Эти эпизоды, с которыми мы встречаемся, например, во время Французской революции или при освобождении Италии последователями Гарибальди, считаются одними из самых красивых страниц в истории человечества. Историки прославляли их, а поэты пели их как эпохи величия, ушедшие навсегда. Поскольку продолжение освобождения, практика нового общества, правление капитала, контраст наглой роскоши и жадной бедности, скупость и жадность бизнесменов, охота за чиновниками — всё это представление о низком эгоизме провалилось, как леденящее разочарование следующего поколения. В революциях среднего класса эгоизм и амбиции сильных личностей играют важную роль; как правило, идеалисты приносятся в жертву, а базовые персонажи приходят к богатству и власти. В буржуазии каждый должен стараться возвыситься за счет других. Добродетели общинного чувства были лишь временной необходимостью, чтобы завоевать господство в своем классе, после того, как эта цель достигнута, они уступают место безжалостному соперничеству всех против всех.

Здесь мы имеем принципиальную разницу между бывшими революциями среднего класса и приближающейся сейчас революцией рабочих. Для трудящихся сильное чувство общности, возникающее в результате их борьбы за власть и свободу, является в то же время основой их нового общества. Достоинства солидарности и преданности, импульс к совместным действиям в твердом единстве, порожденный в социальной борьбе, являются основой новой экономической системы общего труда, которая будет увековечена и усилена своей практикой. Борьба формирует новое человечество, необходимое для новой системы труда. Сильный индивидуализм в человеке сегодня находит лучший способ заявить о себе, чем тяга к личной власти над другими. Применяя всю свою силу к освобождению класса, он развернется более полно и благородно, чем при преследовании личных целей.

Для победы над капитализмом недостаточно чувства общности и организации. Духовное господство буржуазии в подчинении рабочему классу имеет такое же значение, как и его

физическая сила. Невежество является препятствием на пути к свободе. Старые мысли и традиции сильно давят на мозг, даже если они уже затронуты новыми идеями. Тогда цели видятся в самом узком свете, благозвучные слова принимаются без критики, иллюзии о легких успехах, половинчатые меры и ложные обещания сбивают с пути. Таким образом показывается важность интеллектуальной силы для рабочих. Знания и проницательность являются существенным фактором подъёма рабочего класса.

Революция рабочих — это не результат грубой физической силы, это победа разума. Она, конечно, будет продуктом массовой мощи рабочих; но эта мощь — духовная сила в первую очередь. Рабочие не выигрывают, потому что у них сильные кулаки; кулаки легко направляются хитрым умом, даже против их собственного дела. Они также не выигрывают, потому что они — большинство; невежественное и неорганизованное большинство регулярно сдерживалось, бессильно, хорошо обученными организованными меньшинствами. Теперь большинство победит только потому, что сильные моральные и интеллектуальные силы заставляют его подняться над властью своих хозяев. Революции в истории могут увенчаться успехом, потому что в массах пробуждаются новые духовные силы. Грубая глупая физическая сила не может ничего сделать, кроме как уничтожить. Революции, однако, являются созидательными эпохами в эволюции человечества. И как никакая прежняя революция, которая заключается в том, чтобы сделать рабочих хозяевами мира, требует высочайших моральных и интеллектуальных качеств.

Могут ли рабочие ответить на эти требования? Как они могут получить необходимые знания? Не из школ, где дети впитали в себя все ложные представления об обществе, которые правящий класс хочет им дать. Ни из газет, которые принадлежат и редактируются капиталистами, ни группами, стремящимися к лидерству. Не с кафедры, которая всегда проповедует служение и где Джон Боллс чрезвычайно редок. Не из радио, где, в отличие от публичных дискуссий в прежние времена, которые были для граждан мощным средством подготовки ума к общественным делам, односторонние передачи, как правило, приводят в ступор пассивных слушателей и своим постоянным навязчивым шумом не дают возможности спокойно подумать. Не из фильма, который не похож на театр, в первые дни для восходящего класса мещан это средство обучения, а иногда даже боевые апелляции только к визуальному впечатлению, никогда не к мышлению или интеллекту. Все они являются мощными орудиями правящего класса, чтобы удержать рабочий класс в духовном рабстве. С помощью инстинктивной хитрости и сознательного размышления они все используются для этой цели. А рабочие массы ничего не подозревая подчиняются их влиянию. Они позволяют обманывать себя хитрыми словами и внешними проявлениями. Даже те, кто знает, что такое класс и борьба, оставляют эти дела вождям и государственным деятелям и аплодируют им, когда они произносят старые добрые слова традиции. Массы проводят свободное время в поисках веселых удовольствий, не зная о тех огромных социальных проблемах, от которых зависит их существование и существование их детей. Это кажется неразрешимой проблемой, как рабочая революция должна когда-либо произойти и преуспеть, когда по проницательности правителей и безразличию правящих ее духовные условия отсутствуют.

Но силы капитализма действуют в глубинах общества, будоражат старые условия и толкают людей вперед, даже если они этого не хотят. Их подстрекательские эффекты подавляются как можно дольше, чтобы сохранить старые возможности продолжения жизни; хранящиеся

в подсознании они только усиливают внутренние напряжения. Пока, наконец, в кризис, на самом высоком уровне необходимости они щелкают и уступают место в действии, в восстании. Действие не является результатом преднамеренного намерения, оно приходит как спонтанный поступок, неотразимо. В таком спонтанном действии человек открывает себе то, на что он способен, удивляет себя. А поскольку действие всегда есть коллективное, то оно открывает каждому, что силы, тускло ощущаемые в нем самом, присутствуют во всех. Уверенность и мужество вырастают при открытии сильных классовых сил общей воли, и они перемешивают и уносят все более широкие массы.

Действия разворачиваются спонтанно, навязываются капитализмом невольным рабочим. Они являются не столько результатом, сколько отправной точкой их духовного развития. После того как борьба взята на себя, рабочие должны продолжать атаковать и обороняться; они должны прилагать все свои силы до конца. Теперь отпадает безразличие, которое было лишь формой сопротивления требованиям, на которые они считали себя неспособными ответить. Теперь наступает время интенсивного умственного напряжения. Стоя против могущественных сил капитализма, они видят, что только при максимальных усилиях, развивая все свои силы, могут надеяться на победу. То, что в каждой битве появляется в первых ее следах, теперь разворачивается широко; все силы, скрытые в массах, разжигаются и приводятся в движение. Это и есть созидательная работа революции. Теперь потребность в твердом единстве вбивается в их сознание, теперь потребность в знании ощущается в каждый момент. Каждое невежество, каждая иллюзия о характере и силе врага, каждая слабость в сопротивлении его трюкам, каждая неспособность опровергнуть его аргументы и клеветы мстят в неудаче и поражении. Активное желание, сильные импульсы изнутри теперь побуждают рабочих использовать свои мозги. Новые надежды, новые видения будущего вдохновляют разум, делая его живой активной силой, которая избегает боли в поисках истины, чтобы получить знания.

Где рабочие найдут необходимые им знания? Источников много; обширная научная литература книг и брошюр, объясняющих основные факты и теории общества и труда, уже существует, и ее будет еще больше. Но они демонстрируют наибольшее разнообразие мнений о том, что должно быть сделано; и сами работники должны выбирать и различать то, что истинно и правильно. Они должны использовать свой собственный мозг в трудном мышлении и целенаправленном обсуждении. Ибо они вновь и вновь сталкиваются с новыми проблемами, для решения которых старые книги не могут дать никакого решения. Они могут дать только общие знания об обществе и капитале, они представляют принципы и теории, осмысливая прежний опыт. Применение во все новых ситуациях — наша собственная задача.

Необходимое понимание не может быть получено как обучение невежественной массы образованными учителями, обладателями естественных наук, как изливание знаний в пассивных учеников. Оно может быть получено только путем самообразования, путем напряженной самоактивности, которая напрягает мозг в полном стремлении к пониманию мира. Рабочему классу было бы очень легко, если бы он принимал установленную истину только от тех, кто её знает. Но истина, в которой они нуждаются, не существует нигде в мире вне их; они должны строить ее внутри себя. Также то, что дано здесь, не претендует на то, что установлена окончательная истина, которую нужно выучить наизусть. Это

система идей, завоеванная внимательным опытом общества и рабочего движения, сформулированная для того, чтобы побудить других задуматься и обсудить проблемы работы и ее организации. Есть сотни мыслителей, которые открывают новые точки зрения, есть тысячи интеллигентных работников, которые, уделив им внимание, могут, опираясь на свои глубокие знания, лучше и подробнее задуматься об организации своей борьбы и организации своей работы. То, что здесь сказано, может быть той искрой, которая разжигает огонь в их сознании.

Существуют группы и партии, претендующие на исключительное владение истиной, которые пытаются завоевать рабочих своей пропагандой, исключая все другие мнения. Моральным, а там, где у них есть власть, и физическим давлением они пытаются навязать свои взгляды массам. Должно быть ясно, что одностороннее учение одной системы доктрин может и должно служить только тому, чтобы порождать послушных последователей, а значит, поддерживать старое или готовить новое господство. Самоосвобождение работающих масс подразумевает самоосмысление, самопознание, признание истины и ошибки их собственным умственным усилием. Использовать мозг намного труднее и утомительнее, чем использовать мышцы; но это должно быть сделано, потому что мозг управляет мышцами; если не их собственными, то чужими мозгами.

Столь неограниченная свобода обсуждения, выражения мнений — это дыхательный воздух борьбы рабочих. Более века назад против деспотического правительства Шелли, величайший поэт Англии XIX века, «друг бездружных бедняков», отстаивал для всех право на свободное выражение своего мнения. «Человек имеет право на неограниченную свободу обсуждения». «Человек не только имеет право выражать свои мысли, но и обязан это делать»... «и никакие законодательные акты не могут уничтожить это право». Шелли исходил из философии, провозглашающей естественные права человека. Для нас свобода слова и печати провозглашается именно в силу ее необходимости для освобождения рабочего класса. Ограничение свободы обсуждения — это препятствие рабочим в получении необходимых им знаний. Каждый старый деспотизм, каждая современная диктатура начинались с преследования или запрета свободы печати; каждое ограничение этой свободы является первым шагом к тому, чтобы поставить рабочих под господство какого-то рода правителей. Неужели же тогда массы не должны быть защищены ото лжи, искажений, заманчивой пропаганды своих врагов? Как в воспитании тщательное ограждение от дурных влияний может развить способность сопротивляться и побеждать их, так же мало рабочий класс может быть воспитан к свободе духовной опекой. Там, где враги предстают в образе друзей и при разнообразии мнений каждая из сторон склонна считать других опасными для класса, кто должен решать? Рабочие, конечно; они должны бороться и в этой области. Но сегодняшние рабочие могут в честном убеждении осудить как нежелательные мнения, которые впоследствии окажутся основой нового прогресса. Только будучи открытым для всех идей, которые подъем нового мира порождает в сознании человека, проверяя и отбирая, оценивая и применяя их со своими собственными умственными способностями, рабочий класс может обрести духовное превосходство, необходимое для подавления власти капитализма и возведения нового общества.

Каждая революция в истории была эпохой самой горячей духовной деятельности. Сотнями и тысячами появлялись политические брошюры и газеты как проводники интенсивного

самообразования масс. В грядущей пролетарской революции не будет иначе. Иллюзия заключается в том, что, пробудившись от покорности, массы будут направлены одним общим ясным пониманием и пойдут своим путем, не колеблясь в единогласии мнений. История показывает, что при таком пробуждении в человеке прорастает обилие новых мыслей в величайшем разнообразии, выражающих весь новый мир, как блуждающие поиски человечества на вновь открывшейся земле возможностей, как цветущее богатство духовной жизни. Только во взаимной борьбе всех этих идей будут выкристаллизованы руководящие принципы, необходимые для новых задач. Первые великие успехи, результат спонтанного объединенного действия, разрушая прежние оковы, не более чем распахивают ворота тюрьмы; рабочие должны сами, своими усилиями, найти новую ориентацию для дальнейшего прогресса.

Это означает, что те великие времена будут полны шума партийных распрей. Те, у кого одинаковые идеи, образуют группы, чтобы обсуждать их для себя и пропагандировать для просвещения своих товарищей. Такие группы общего мнения можно назвать партиями, хотя их характер будет полностью отличаться от характера политических партий предыдущего мира. При парламентаризме эти партии были органами различных и противоположных классовых интересов. В рабочем классовом движении это были организации, которые брали на себя руководство классом, выступали в качестве его выразителей и представителей и стремились к руководству и доминированию. Теперь их функцией будет только духовная борьба. Рабочий класс для своей практической деятельности им не нужен, он создал свои новые органы действия — Советы. В цеховой организации, в организации совета, действует вся рабочая сила, которая должна решать, что делать. В цеховых собраниях и в советах разоблачаются и отстаиваются различные и противоположные мнения, и вне соревнования должно происходить решение и единогласное действие. Единство цели может быть достигнуто только путем духовного состязания между инакомыслящими. Важной функцией сторон является, таким образом, организация мнения путем их взаимного обсуждения, доведение новых растущих идей до лаконичных форм, их уточнение, изложение аргументов в понятной форме, а также их пропаганда, направленная на то, чтобы донести их до всеобщего сведения. Только так работники на своих собраниях и советах могут судить о своей правде, о своих заслугах, о своей осуществимости в каждой ситуации и принимать решение в ясном понимании. Таким образом, духовные силы новых идей, бурно прорастающие во всех головах, организуются и формируются так, чтобы стать полезными инструментами класса. Это — великая задача партийной борьбы в борьбе трудящихся за свободу, гораздо благороднее, чем стремление старых партий завоевать господство для себя.

Переход господства из одного класса в другой, который, как и во всех прежних революциях, является сутью рабочей революции, не зависит от бессистемности случайных событий. Хотя ее детали, ее взлеты и падения зависят от шансов различных условий и событий, которые мы не можем предвидеть, на общем фоне существует определенный прогрессивный курс, который может стать объектом рассмотрения заранее. Это увеличение социальной мощи восходящего класса, потеря социальной мощи угасающего класса. Быстрые видимые изменения во власти формируют существенный характер социальных революций. Поэтому необходимо несколько более внимательно рассмотреть элементы, факторы, составляющие власть каждого из соперничающих классов.

Власть капиталистического класса в первую очередь заключается во владении капиталом. Он владеет всеми фабриками, машинами, шахтами, владеет всем производственным аппаратом общества, поэтому человечество зависит от этого класса, чтобы работать и жить. Со своей денежной мощью он может покупать не только слуг для личного присутствия, когда ему угрожают, он может покупать в неограниченном количестве крепких молодых людей для защиты своего господства, он может организовывать их в хорошо вооруженные боевые группы и придавать им общественное положение. Он может покупать, гарантируя им почетные места и хорошую зарплату, художников, писателей и интеллектуалов не только для развлечения и служения хозяевам, но и для похвалы и прославления их господства, а также для хитрости и умения защищать свое господство от критики.

Однако духовная сила капиталистического класса имеет более глубокие корни, чем интеллект, который он может купить. Средний класс, из которого капиталисты возвысились как верхний слой, всегда был просвещенным классом, опирающимся на свою широкую мировую концепцию, основывающимся на культуре и знаниях, на своем труде, на своей производственной системе. Его принципы личной собственности и ответственности, самопомощи и индивидуальной энергии пронизывают все общество. Эти идеи рабочие принесли с собой из обедневших слоев среднего класса, и все имеющиеся у них духовные и физические средства должны работать на сохранение и усиление идей среднего класса в массе. Таким образом, господство капиталистического класса прочно укоренилось в мышлении и чувствах самого доминирующего большинства.

Однако самым сильным фактором власти капиталистического класса является его политическая организация — государственная власть. Только благодаря твердой организации меньшинство может править большинством. Единство и преемственность плана и воли в центральном правительстве, дисциплина бюрократии чиновников, пронизывающих общество по мере того, как нервная система пронизывает тело, и одушевленная и направляемая одним общим духом, утилизация, более того, в случае необходимости, над вооруженными силами, обеспечивает его бесспорное господство над населением. Подобно тому, как сила крепости консолидирует физические силы гарнизона в неукротимую власть над страной, так и государственная власть консолидирует физические и духовные силы правящего класса в неопровержимую силу. Уважение к власти со стороны граждан, чувство необходимости, обычаи и образование регулярно обеспечивают бесперебойную работу аппарата. А если недовольство заставит людей восстать, что они могут сделать, безоружные и неорганизованные, против твердо организованных и дисциплинированных вооруженных сил правительства? С развитием капитализма, когда власть многочисленного среднего класса все больше концентрировалась в меньшем числе крупных капиталистов, государство также концентрировало свою власть и благодаря своим растущим функциям все больше овладевало обществом.

Что имеет рабочий класс, чтобы противостоять этим грозным факторам власти?

Рабочий класс все больше составляет большинство, в наиболее развитых странах — подавляющее большинство населения, концентрируясь здесь на крупных и гигантских промышленных предприятиях. Не легально, но на самом деле в его руках машины, производительный аппарат общества. Капиталисты, конечно, владельцы и хозяева, но они

не могут делать больше, чем командовать. Если рабочий класс игнорирует их команды, он не может управлять машинами. Рабочие могут. Работники являются непосредственными фактическими хозяевами машин; как бы они ни определялись послушанием или волей, они могут управлять ими и останавливать их. Их работа — важнейшая экономическая функция; их труд несет в себе общество.

Эта экономическая сила является спящей, пока рабочие увлечены мышлением среднего класса. Она вырастает в реальную власть классовым сознанием. Практикой жизни и труда они обнаруживают, что являются особым классом, эксплуатируемым капиталом, с которым им приходится бороться, чтобы освободиться от эксплуатации. Их борьба заставляет их понимать структуру экономической системы, приобретать знания об обществе. Несмотря на всю пропаганду обратного, это новое знание рассеивает унаследованные идеи среднего класса в их головах, потому что оно основано на истине повседневной переживаемой реальности, в то время как старые идеи выражают реалии прошлого ушедшего мира.

Экономическая и духовная власть становится активной через организацию. Она связывает все различные волеизъявления с единством цели и объединяет единые силы в могучее единство действий. Его внешние формы могут различаться и меняться в зависимости от обстоятельств, его суть в новом нравственном характере, солидарности, сильной общине, преданности и духе самопожертвования, самонавязанной дисциплине. Организация является жизненным принципом рабочего класса, условием освобождения. Меньшинство, правящее своей сильной организацией, может быть побеждено только, и безусловно будет побеждено, организацией большинства.

Таким образом, элементы, составляющие власть соперничающих классов, стоят друг против друга. Буржуазия выступает величественно и могущественно, как существующая и доминирующая сила, в то время как рабочий класс должен развиваться с малых начал, как новая жизнь подрастающая. Количество и экономическое значение автоматически возрастают благодаря капитализму; но другие факторы, проницательность и организация, зависят от усилий самих трудящихся. Поскольку они являются условиями эффективной борьбы, они — результат борьбы; каждая неудача напрягает нервы и мозги, чтобы ее исправить, каждый успех раздувает сердца в новую ревностную уверенность. Пробуждение классового сознания, растущее знание общества и его развития означает освобождение от духовного рабства, пробуждение от тупости к духовной силе, вознесение масс к истинному человечеству. Их объединение в общей борьбе, по сути, означает уже социальное освобождение; рабочие, заключенные в кабалу капитала, вновь обретают свободу действий. Это пробуждение от покорности к независимости, коллективно, в организованном профсоюзе, бросающее вызов хозяевам. Прогресс рабочего класса означает прогресс в этих факторах власти. То, что может быть выиграно в улучшении условий труда и жизни, зависит от власти, приобретенной рабочими; когда-либо в результате недостаточности их действий, недостатка проницательности или усилий, либо в результате неизбежных социальных изменений их власть, по сравнению с капиталистической, ослабевает, это будет ощущаться в условиях их труда. Вот критерий для каждой формы действий, для тактики и методов борьбы, для форм организации; усиливают ли они власть рабочих? Для настоящего, но, что еще более важно, для будущего, для высшей цели уничтожения капитализма? В прошлом профсоюзы формировали чувства солидарности и единства, укрепляли свою боевую мощь

эффективной организацией. Когда же в более поздние времена ему приходилось подавлять боевой дух, и он выдвигал требование дисциплины перед лидерами против импульса классовой солидарности, рост власти был затруднен. Работа социалистических партий в прошлом в значительной степени способствовала повышению проницательности и политического интереса масс, однако, когда она пыталась ограничить их деятельность в рамках парламентаризма и иллюзий политической демократии, она стала источником слабости.

Из этих временных слабостей рабочий класс вынужден поднять свою власть в действиях наступающего времени. Хотя мы должны ожидать эпоху кризиса и бороться с ним, это может чередоваться с более спокойными временами обострения или консолидации. Тогда традиции и иллюзии могут временно действовать как ослабляющие влияния. Но и тогда, делая их временами подготовки, новые идеи самоуправления и организации советов путем устойчивой пропаганды могут занять более широкие позиции у рабочих. Тогда, как и сейчас, перед каждым рабочим стоит задача, как только он ухватится за видение свободы своего класса, распространить эти мысли среди своих товарищей, пробудить их от безразличия, открыть им глаза. Такая пропаганда необходима для будущего. Практическая реализация идеи невозможна до тех пор, пока она не проникла в сознание широких масс.

Борьба, однако, всегда является свежим источником силы в подрастающем классе. Сейчас мы не можем предвидеть, какие формы примет эта борьба рабочих за свою свободу. Время от времени и местами она может принимать суровую форму гражданской войны, столь распространенную в прежних революциях, когда ей приходилось принимать решения. Может показаться, что шансы против рабочих велики, поскольку правительство и капиталисты с помощью денег и власти могут собрать вооруженные силы в неограниченном количестве. На самом деле сила рабочего класса находится не здесь, не в кровавом поединке резни и убийств. Их реальная сила лежит в сфере труда, в их продуктивной работе и в их превосходстве ума и характера. Тем не менее даже в вооружённой борьбе капиталистическое превосходство не является бесспорным. Производство оружия находится в руках рабочих; вооруженные группы зависят от их труда. Если такие банды немногочисленны, то когда против них выступит весь рабочий класс, сплоченный и не боящийся, они будут бессильны, подавлены численностью. А если их много, то и эти группы состоят из завербованных рабочих, доступных по призыву классовой солидарности.

Рабочий класс должен выяснить и разработать формы борьбы, адаптированные к его потребностям. Борьба означает, что он идет своим путем согласно своему свободному выбору, руководствуясь классовыми интересами, независимыми от бывших хозяев, а значит, противостоящими им. В борьбе его творческие способности утверждают себя в поиске путей и средств. Как в прошлом она придумывала и практиковала спонтанно свои формы действий: забастовка, голосование, уличная демонстрация, массовый митинг, пропаганда листовок, политическая забастовка, так она и будет делать в будущем. Какими бы ни были формы, характер, цель и эффект будут одинаковы для всех: поднимать собственные элементы власти, ослаблять и растворять силу врага. Как показывает опыт, наиболее сильное воздействие оказывают массовые политические забастовки, и в будущем они могут стать еще более мощными. В этих забастовках, порожденных острыми кризисами и сильным напряжением, импульсы слишком яростны, вопросы заходят слишком глубоко, чтобы ими

руководили профсоюзы или партии, комитеты или советы должностных лиц. Они носят характер прямых действий масс. Работники не выходят на забастовку поодиночке, а идут по цехам, как персонал, коллективно принимающий решения о своих действиях. Немедленно создаются забастовочные комитеты, в которых собираются делегаты всех предприятий, принимая уже на себя характер советов трудящихся. Они должны приносить единство в действие, единство также, насколько это возможно, в идеи и методы, путем постоянного взаимодействия между боевыми импульсами цеховых собраний и обсуждениями на заседаниях совета. Таким образом, рабочие создают свои собственные органы, противостоящие органам правящего класса.

Такая политическая забастовка является своего рода восстанием, хотя и в легальной форме, против правительства, парализуя производство и движение, пытаясь оказать такое давление на правительство, чтобы оно уступило требованиям рабочих. Правительство, со своей стороны, с помощью политических мер, запрещая собрания, приостанавливая свободу прессы, призывая вооруженные силы, тем самым трансформируя свою юридическую власть в произвольную, хотя и фактическую власть, пытается сломить решимость бастующих. Ей помогает сам правящий класс, который своей монополией на прессу диктует общественное мнение и ведет мощную пропаганду клеветы, чтобы изолировать и отпугнуть забастовщиков. Он поставляет добровольцев не только для того, чтобы как-то поддержать движение и работу транспорта, но и для вооруженных банд, чтобы терроризировать рабочих и попытаться превратить забастовку в форму гражданской войны, более удобную для буржуазии. Потому что забастовка не может продолжаться бесконечно, одна из сторон с меньшей внутренней прочностью должна уступить место.

Массовые акции и всеобщие забастовки — это борьба двух классов, двух организаций, каждая из которых по своей прочности пытается обуздать и, наконец, сломать другую. Это нельзя решить одним действием, это требует серии борьбы, которая представляет собой эпоху социальной революции. Для каждого из соперничающих классов имеются более глубокие источники власти, которые позволяют им восстановить себя после поражения. Хотя рабочие одновременно могут быть побеждены и обескуражены, их организации уничтожены, их права отменены, но волнующие силы капитализма, их собственные внутренние силы и несокрушимая воля к жизни вновь ставят их на ноги. Нельзя разрушать капитализм и одним ударом; когда его крепость — государственная власть — разрушается, сам класс все еще распоряжается значительной частью своей физической и духовной силы. В истории есть примеры того, как правительства, полностью недееспособные и уничтоженные войной и революцией, восстанавливались экономической властью, деньгами, интеллектуальными способностями, терпеливым мастерством, классовым сознанием — в форме пылкого национального самоощущения — буржуазии. Но, наконец, должен победить класс, формирующий большинство народа, поддерживающий общество своим трудом, обладающий прямым распоряжением над производительным аппаратом. Таким образом, твердая организация класса большинства распадается и разрушает государственную власть, сильнейшую организацию капиталистического класса.

Там, где действия трудящихся настолько сильны, что сами органы власти парализованы, советы вынуждены выполнять политические функции. Теперь трудящиеся должны обеспечивать общественный порядок и безопасность, они должны заботиться о том, чтобы

общественная жизнь могла продолжаться, и в этом советы являются их органами. То, что решено в советах, рабочие выполняют. Таким образом, советы превращаются в органы социальной революции, и с развитием революции их задачи становятся всё более всеобъемлющими. В то время, когда классы борются за господство, когда каждый из них прочностью своей организации пытается сломить организацию другого класса, общество должно продолжать жить. Хотя в напряженных критических моментах оно может жить на складах провианта, производство не может останавливаться надолго. Вот почему рабочие, если их внутренние силы организации не справляются, от голода вынуждены возвращаться под старое иго. Вот почему, если они достаточно сильны, если они бросили вызов, отпор, разбили государственную власть, если они отразили ее насилие, если они хозяева в цехах, они немедленно должны взять на себя заботу о производстве. Власть в цехах означает одновременно организацию производства. Организация для борьбы, советы, есть в то же время организация для восстановления.

Об иудеях в древности, строивших стены Иерусалима, говорят, что они боролись с мечом в одной руке, шпателем в другой. Здесь по-другому, меч и шпатель — это одно. Создание организации производства — самое сильное, нет, единственное прочное оружие для уничтожения капитализма. Везде, где рабочие пробивали свой путь в цеха и завладевали машинами, они сразу же приступают к организации труда. Там, где капиталистическая команда исчезла из цеха, игнорируемая и бессильная, рабочие строят производство на новой основе. В своей практической деятельности они устанавливают новое право и новый закон. Они не могут ждать, пока повсюду закончится борьба; новый порядок должен расти снизу, из цехов, работать и бороться в то же время.

Тогда в то же время органы капитализма и правительства опускаются до роли несущественных, посторонних и лишних вещей. Может быть, они еще и сильны навредить, но они потеряли авторитет полезных и необходимых институтов. Теперь роли, всё более и более очевидные для всех, возвращаются. Теперь рабочий класс со своими органами, советами, является властью порядка; жизнь и процветание всего народа опирается на его труд, его организацию. Меры и правила, принятые в советах, исполняемые и соблюдаемые рабочими массами, признаются и уважаются как законная власть. С другой стороны, старые правительственные органы убывают к внешним силам, которые лишь пытаются помешать стабилизации нового порядка. Вооруженные отряды буржуазии, даже если они еще сильны, всё больше приобретают характер незаконных нарушителей порядка и несносных разрушителей в поднимающемся мире труда. Как агенты беспорядка они будут покорены и растворены.

Это, насколько мы теперь можем судить, способ, которым государственная власть исчезнет вместе с исчезновением самого капитализма. В прошлые времена преобладали различные представления о будущей социальной революции. Сначала рабочий класс должен был завоевать политическую власть, в результате голосования получив большинство в парламенте, чему в конце концов помогли вооруженные состязания или политические забастовки. Затем новое правительство, состоящее из представителей, лидеров и политиков, своими действиями, по новому закону, должно было экспроприировать капиталистический класс и организовать производство. Таким образом, сами рабочие должны были выполнять только половину работы, тем более менее существенную часть;

реальная работа, перестройка общества, организация труда должны были выполняться социалистическими политиками и должностными лицами. Эта концепция отражает слабость рабочего класса в то время: бедный и несчастный, лишенный экономической власти, он должен был быть приведен в обетованную землю изобилия другими, способными лидерами, благосклонным правительством. И тогда, конечно, остаться подданными; ибо свобода не может быть дана, ее можно только завоевать. Эта легкая иллюзия была развеяна ростом капиталистической власти. Теперь рабочие должны осознать, что, только подняв свою собственную власть на высшую ступеньку, они могут надеяться на завоевание свободы; что политическое господство, овладение обществом должно основываться на экономической власти, на овладении трудом.

Завоевание политической власти трудящимися, отмена капитализма, введение нового закона, присвоение предприятий, перестройка общества, построение новой системы производства не являются разными последовательными событиями. Они современны, совпадают в процессе общественных событий и преобразований. Или, точнее, они идентичны. Это разные стороны, обозначенные разными названиями, одной великой социальной революции: организация труда трудящегося человечества.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:36:24

Артём обновил 30 декабря 2025 08:38:32